

| *Teddy*

Предисловие

Книга «Бенджамин Франклин и цели империи» представляет собой одновременно литературную биографию и анализ эволюции взглядов Франклина на империю. Будучи биографией развития идей, мое исследование строится на письменных и устных высказываниях Франклина (включая частные и опубликованные письма, памфлеты, газетные статьи, заметки для себя и речи на собраниях). Большое внимание уделяется в книге публичным и частным взглядам Франклина на Британскую империю и ее фискальные, социальные, юридические и военные проблемы. Изучая его взгляды на империю в Северной Америке, я показываю, как социально-политические теории Франклина менялись на протяжении всей его жизни в ответ на изменение фискальных, правовых и политических условий жизни американских колонистов, коренных американцев, африканцев и афроамериканцев. Меняющиеся взгляды Франклина свидетельствуют о том, что в юные годы он разделял позиции британских лидеров, а затем пришел к их критике. Особенно он критиковал тех, кто стремился препятствовать свободе других, получая при этом политическую власть и собственность.

В моей книге, биографической по своей направленности, рассматриваются, в частности, те взгляды Франклина, которые связаны с либерализмом раннего Нового времени и теорией империи. Меня также привлекает собственно литературный аспект высказываний Франклина, и я постоянно обращаю внимание читателя на методы, которые он использовал, когда развивал свои идеи перед различными людьми, для которых писал. Разум, по мнению Франклина, живет в мире идей и воплощается в материю в процессе письма. По этой причине в моем исследо-

вании рассматривается не только содержание произведений Франклина, но и их литературная выразительность. Ученые часто отмечают литературные стороны его автобиографии. Я пытаюсь показать, что подобные литературные качества свойственны и работам Франклина, посвященным фискальным, общественным и политическим мерам. В книге предлагается сводный анализ работ Франклина о денежной политике, социально-политических проблемах и идеологии свободы, которая стала определять американскую либеральную мысль в период политических преобразований по мере превращения колоний в государства. По сути, это литературоведческий разбор всего, что Франклин писал об обществе, экономике и политике. Я рассказываю об эволюции философии Франклина, в результате которой он пришел к выводу, что лучшее правительство — это то, которое может обеспечить наилучшую жизнь наибольшему числу людей в мире.

Литературная биография — это своего рода гибридная форма, сочетающая в себе черты исторической биографии с опорой на документы и свойства эстетического исследования жизни разума. Именно это характерное стремление передать документированную историю и воображаемый душевный мир обеспечивает литературной биографии особое место среди биографий известных и малоизвестных людей, будь то писатели, политические лидеры, ораторы или филантропы. Биограф, пишущий в этом ключе, стремится проникнуть в воображение своего героя и очертить интеллектуальный мир, в котором тот жил и для которого писал. Воображение биографа опирается на свидетельства того времени — на исторические документы, культурные и социальные условия и собственные сочинения и речи героя — и создает свое повествование. В книге приводятся развернутые цитаты из произведений Франклина, для того чтобы читатель познакомился не только с содержательной стороной его мышления, но и с тем, как он выражал свои мысли. Майкл Бентон заметил, что «литературная биография часто имеет дело с субъектами, которые стоят в стороне от норм общества; их жизнь и труды, сплетаясь воедино, предлагают критический взгляд на мир», в котором живут другие люди. По мнению Бентона, герой

литературной биографии часто «склонен к индивидуалистическому, критическому взгляду на принципы и обычаи общества, по отдельным вопросам он может перейти в открытую оппозицию» [Benton 2009: 2].

Это мнение Бентона о литературной биографии особенно верно в случае Франклина, который вступил в политическую жизнь, стремясь участвовать в британской социальной и политической жизни, но пришел к выводу, что всегда будет держаться в стороне от ценностей и целей Британии и ее политиков. Такое отречение далось ему нелегко, и это превращает литературную биографию Бенджамина Франклина и его теории империи в плодотворную задачу для исследователя. Понимание либерализма раннего Нового времени как исторического фона жизни и трудов Франклина помогает нам понять важную часть его убеждений и высказываний о том, как переплетаются личная свобода и общее благо. Понимание этого фона также помогает нам увидеть, что окончательный разворот Франклина против Британской империи не был вызван обидой на донос Александра Уэддерберна в «Зале для петушиных боев», как считают многие историки. Это отношение развивалось у него в течение длительного периода времени и явилось результатом серьезных размышлений о природе империи и ее влиянии на колониальные народы.

Эта литературная биография Бенджамина Франклина является также исследованием политической жизни XVIII века, особенно в том, что касается Британской империи и ее колониальных владений. Это первая в своем роде интеллектуальная история британских колониальных отношений, сформулированных Бенджамином Франклином и с его помощью, где проводится тщательный анализ трудов Франклина об экономике, обществе, окружающей среде и имперской политике. Если сравнивать ее с более старыми работами, такими как книги Алана Хьюстона [Houston 2008] и Дугласа Андерсона [Anderson D. 2000], эта работа дополняет уже существующий поток исследований, но отличается от других тем, что делает акцент на эволюции теорий империи, которые Франклин сформулировал в виде политических целей для Северной Америки. Я надеюсь, что эта книга — осо-

бенно в ее попытке обосновать мышление Франклина, обратив внимание на его либеральные ценности раннего Нового времени, которые он разделял в юности, — покажет одного из величайших экономических, социальных и политических теоретиков британской Северной Америки в ином свете.

В некотором смысле моя работа продолжает разговор о Франклине, который начался более века назад в исследованиях историков экономики и политики. В 1895 году У. А. Ветцель, опираясь на несколько ключевых работ Франклина, выпустил монографию о его экономических взглядах [Wetzel 1895]. Льюис Дж. Кэри высказал свое мнение об экономическом мышлении Франклина в более объемном исследовании, опубликованном в 1928 году [Carey 1928]. Исследование Кэри заслуживает внимания не только потому, что оно было подготовлено задолго до начала работы над проектом «Документы Франклина», но и потому, что оно, при всей его рудиментарности, остается наиболее полным изложением экономического мышления Франклина. Меня также интересуют взгляды Франклина на экономику и общество, поэтому в моей работе рассматриваются некоторые вопросы, затронутые исследователями политической истории Вернером С. Крейном [Crane 1954; Franklin 1950], Джеральдом Стуржем [Stourzh 1954] и Полом В. Коннером [Conner 1965]. Как и эти ученые, я занимаюсь трудами Франклина по торговле, экономике и политической теории, но, в отличие от них, я рассматриваю исследования Франклина, например, о населении в контексте его мыслей о прагматическом и этическом воздействии людей на землю. Мне также интересно, что в юности Франклин усвоил империалистические представления о высших и подчиненных народах, а затем стал критиковать эти представления, осознав, что формирование нации в Британии противоречит самим основам либеральной субъектности.

Книга «Бенджамин Франклин и цели империи» выстроена хронологически, однако порядок изложения в ней не жестко хронологический, но также и тематический. После введения, посвященного интеллектуальным корням либерализма раннего Нового времени, присущего Франклину, в главах 1 и 2 показаны

семейная история Франклина, в частности история его семьи в Англии, а также интеллектуальные и гуманистические корни его представлений.

В этих главах речь идет о многих писателях, чьи произведения появились в XVII и начале XVIII века, причем особое внимание уделяется юношескому пониманию Франклином имперской экономической теории и его увлечению трудами конца XVII века о личных свободах, включая свободу совести и свободу прессы. Меня интересует, как юношеское чтение Франклина и его анализ британской культуры и империализма отразились в его трудах о свободной торговле и свободных народах. Далее в книге (главы 3, 4 и 5) речь идет о молодости и среднем возрасте Франклина, когда он участвовал в политике Пенсильвании и учился стратегиям ведения политических переговоров. Это годы тщательной выработки социально-экономических взглядов, поддерживающих как свободную торговлю, так и империалистическую политику. Франклин преследовал цель договориться с короной и парламентом об административной политике, которая установила бы среди всех колоний равные условия труда и торговли с Британией, фактически создав содружество (и единые представления о свободах и льготах) среди всех торговых партнеров.

По мере расширения своего интеллектуального, социального и политического багажа Франклин начал понимать, что идеология британских свобод пришла в колонии вместе с первыми поселенцами. Поэтому он считал, что свобода как естественное право должна быть доступна всем британским американцам, которые, в конце концов, были теми же британцами, только географически удаленными от Британии. Распространение политических свобод на британских североамериканцев, по его мнению, стало бы работать на сплочение людей в Северной Америке, которые в остальном отличались и политически, и культурно. Зрелые годы Франклина, когда он был главным представителем и культурным послом колоний в Британии и Европе, составляют содержание глав 6 и 7. Здесь раскрывается недовольство Франклина британским правительством и британской колониальной администрацией, стремившейся подорвать благосо-

стояние британцев в Северной Америке. В этих двух главах рассматриваются поворотные годы, когда Франклин перестал воспринимать Великобританию благосклонно и у него возникли серьезные опасения из-за ее экспансивного империализма, особенно в отношении Ирландии и Индии. В главе 8 рассматриваются годы революции против Великобритании, особенно дипломатия Франклина во Франции и его зрелые взгляды на суверенитет и справедливость. Глава 9 посвящена последнему периоду жизни Франклина — от его триумфального возвращения в Филадельфию до последних дней жизни. В том числе здесь рассказывается о деятельности Франклина по отмене рабства в Америке и о его мыслях по поводу угнетения народов во всем мире. Я надеюсь, что моя книга поможет читателям понять, насколько важными для философии Франклина и его ценностей были годы юности и становления, проведенные в семейном кругу, когда он слушал семейные предания и читал либеральные работы Нового времени.

Благодарности

Я начала писать эту книгу более двух десятилетий назад. Сперва это исследование было посвящено взаимодействию Бенджамина Франклина с коренными народами Северной Америки и его трудам о них. С годами версии менялись. Некоторые материалы, первоначально предназначавшиеся для этой книги, уже были опубликованы: они больше не соответствовали масштабам проекта. На ранних этапах работы мне посчастливилось получить семь стипендий. В 1992 году Национальный фонд гуманитарных наук выделил мне стипендию на летние исследования. Фонд Эндрю В. Меллона предоставил стипендии на командировки в два крупных архива, занимающихся изучением Франклина, и в 2000–2001 годах я проделала существенную часть работы в Библиотечной компании Филадельфии и Американском философском обществе, собрания которых я продолжила изучать и в последующие годы. Американский совет научных обществ предоставил мне стипендию для продолжения работы над книгой в 2006–2007 годах. Колледж либеральных искусств штата Пенсильвания предоставил мне два отпуска для проведения исследований: один в 2000 году, другой в 2006-м. В 2010 году Институт искусств и гуманитарных наук штата Пенсильвания предоставил небольшой грант, так что у меня образовалось такое необходимое мне свободное время и я смогла продолжить работу над книгой. Без исследований, которые осуществились благодаря этим стипендиям, книга не увидела бы свет.

Ученые и друзья слушали мои доклады, читали части рукописи и оказывали моральную поддержку в процессе работы. Без них мою работу трудно себе представить. Некоторые из моих самых близких друзей, которые так мягко подбадривали меня, —

Дж. А. Лео Лемей, Уильям Пенкак, Джефффри Ричардс и Фрэнк Шаффлтон — не дожили до того, чтобы увидеть результат. Но остались многие из тех, кто заслуживает моей искренней благодарности за доброжелательность и участие в работе. Некоторые писали письма в мою поддержку. Другие подбадривали меня на протяжении многих лет или приглашали в свои учебные заведения для чтения лекций, связанных с Франклином. За интерес к моей работе и вдохновение я благодарю Дутласа Андерсона, Роберта Арнера, Нину Байм, Ричарда Белла, Ричарда Бернстайна, Джорджа Будро, Луиса Челлуччи, Дебору Кларк, Дэвида Кертиса, Пола Эриксона, Армина Пола Франка, Джона Франца, Эда Галлахера, Дастина Гиша, Роя Гудмана, Джеймса Грина, Сандру Густафсон, Шэрон М. Харрис, Тамару Харви, Мэтью С. Холланда, Ниан-Шенг Хуанга, Пола Керри, Дэниела Клингхарда, Аннет Коллони, Неда Ландсмана, Пола Лаутера, Джеймса Лилли, Дэвида Линкоува, Джанет Линдман, Родни Мадера, Джеймса Мэя, Дональда Мелла, Мариэтту Мессмер, Рэндалла Миллера, Денниса Мура, Уилсона Мозеса, Чарльза Никола, Марси Норт, Хью Ормсби-Леннона, Фрэнка Паркса, Джона Поллака, Дэниела Рихтера, Марион Руст, Дорину Альварес Саар, Элеонору Шевлин, Дэвида Шилдса, Шейлу Скемп, Скотта Славински, Херба Слоуна, Лору Стивенс, Ларри Э. Тайза, Джона Ван Хорна, В. М. Верхувена, Марианну Вокек и Майкла Цукермана.

Многие студенты, преподаватели и друзья были слушателями, задававшими полезные вопросы, когда меня приглашали читать лекции в Кливленде, в Институте Франклина, в Библиотечной компании Филадельфии, в Доме Джозефа Пристли, в Центре Макнейла по изучению ранней Америки, на Колумбийском семинаре по истории Атлантического мира, на Семинаре по истории региона Вашингтон, а также в ряде академических институтов, включая Кембриджский университет (Англия), университет Георга-Августа в Геттингене (Германия), Гронингенский университет (Нидерланды), и в ряде американских учебных заведений, включая Белмонтский университет, Университет штата Калифорния на островах Чаннел, Колледж Святого Креста, Колумбийский университет, Дрексельский университет, Университет штата

Индиана, Университет Лехай, Библиотеку Университета штата Огайо, Принстонский университет, Университет Кентукки, Университет Мэриленда, Университет Талсы, Университет штата Флорида и Университет Западного Мичигана.

Я хотела бы поблагодарить сотрудников различных библиотек, в которых работала над книгой, включая Американское антикварное общество, Американское философское общество, Библиотеку редких книг и рукописей Бейнеке, Британскую библиотеку, Библиотечную компанию Филадельфии и Библиотеку специальных коллекций Библиотеки Вана Пелта в Университете Пенсильвании. За помощь в создании иллюстраций для этого издания я особенно благодарю Мэри Эллен Будни (Библиотека редких книг и рукописей Бейнеке), Анну Клаттербак-Кук и Элейн Хиви (Массачусетское историческое общество), Николь Джоник (Библиотечная компания Филадельфии), Валери-Энн Лутц (Американское философское общество) и Жаклин Пенни (Американское антикварное общество). Я также очень благодарна студентам-исследователям, которые помогали мне на последних этапах работы над книгой, особенно студентам-стажерам из Пенсильванского университета Марви Шах, Эдисону Годфри и Александру Смолию. Кэти Оуэнс-Мерфи, доктор философии Пенсильванского университета, помогла мне справиться с редактированием рукописи, когда на последних этапах та стала слишком громоздкой. Я благодарна ей за помощь в моей работе.

Брендан О'Нил из издательства Оксфордского университета, мой идеальный редактор, постоянно вносил критические предложения и давал важные указания, сохраняя при этом энтузиазм и уверенность в важности моей работы. Ряд анонимных читателей рукописи задавали наводящие вопросы, предлагали правки и указывали на ошибки. Я благодарю их за щедрость, благодаря которой эта книга стала лучше. Я также хотела бы поблагодарить координаторов прессы Стивена Брэдли и Эсвари Марудху, а также бережного редактора рукописи Ричарда Исомаки.

Моя семья слишком долго ждала завершения работы. Айрин и Тед Леманн, Эллен Кленденнинг и Джерри Фаллас, Марджори и Джон Гарднер никогда не были уверены, стоит ли спрашивать,

как продвигается работа над книгой, но, вероятно, они всегда знали, что она завершится в самый неожиданный момент. Я ценю их добрый интерес к проекту с самого его зарождения. Роберту Л. Джунтоли II, Фрэнку Гилларду, Тиму Фусту, Кимберли Олбрайт, Патриции Гохан, Элейн Стерретт и Розмари Шейнер я должна выразить особую благодарность за то, что они помогали мне справляться с работой теми способами, которые ведомы им одним.

Работа над рукописью проходила в нескольких разных местах в Стейт-колледже и Болсберге, пока мы с Франклином не поселились в Ренс-Нест — жиллом историческом доме, построенном до 1783 года в городе, который сейчас называется Беллефонте. Тед Конклин сказал, что мы могли бы прожить там вместе всю жизнь. Ренс-Нест оказался идеальным местом для завершения работы над книгой.

Я благодарна Теду за то, что он обеспечил мне возможность заниматься моей книгой, несмотря на перемены в нашей жизни, включая мою серьезную операцию, обстоятельства моей университетской работы (в том числе переезд офиса на время ремонта здания), прибытие и отъезд нескольких спасенных кокер-спаниелей, а также переезд к нам моей матери, источника моего вдохновения. Завершение работы над этой книгой стало возможным благодаря доброте и любви Теда, его терпению, щедрости и постоянному присутствию.

Введение

В конце 1768 года Бенджамин Франклин выступил с решительным заявлением о войне и гражданских свободах. С необычной для себя эмоциональностью он выразил беспокойство по поводу продолжающихся военных действий двух государств, стремящихся лишить своих подданных прав человека и гражданина. «Люди и ангелы ожидают приближения жуткого спектакля, который развернется на мировой арене», — восклицал Франклин. Страны атлантического региона были охвачены беспорядками. Ссылаясь на навязанные американским колониям британские законы Тауншенда и на аналогичные имперские действия Франции по подавлению восстаний на Корсике, оккупированной французскими войсками, Франклин определил свободу как «права каждого», которые принадлежат всем. Он писал, что «две великие и могущественные страны используют свои войска для уничтожения гражданских свобод — дара небес, без которого человечество утратит половину своего достоинства и смысла существования!» Франклин возмущался, что одна из «двух великих и могущественных стран» уничтожает гражданские свободы, «подавляя и обращая в рабство горстку людей, последних храбрых защитников свободы на территории бывшей Римской империи». Другая же страна «подавляет в зародыше первое проявление свободы в западном мире». Франклин писал о французах, которые подавляли восстание корсиканцев, возглавляемое сторонником представительной демократии Паскалем Паоли (1725–1827), и об англичанах, всеми силами пытавшихся пресечь движение британцев в Северной Америке за равные гражданские и политические права с жителями Англии. По мнению Франклина, Франция «забыла о прежней репутации и достоинстве, *франки* — о *свободе*, которой они когда-то пользовались». Англия же, «хвастаясь своей свобо-

дой, губит других людей, отстаивающих права каждого на свободу». В продолжение своей обличительной речи Франклин утверждает, что Франция «ведет себя жестоко, подло и малодушно, используя свои превосходящие военные силы против людей, неспособных противостоять ей». Но политический курс Франции, по его мнению, был «*более оправданным*», чем британский. Во всяком случае, во Франции «люди, которых она поработщает и угнетает, не являются *ее детьми!*» [Franklin 1959–, 16: 18–19]. Здесь Франклин использует типичную для пропаганды тех лет метафору отношений между родителем и ребенком. В своей филиппике он выразил разочарование в странах, которые стремились принизить «достоинство и смысл существования человечества», уничтожая «гражданские свободы».

Я обратила внимание на это заявление Франклина, так как он сознательно связывает гражданские свободы с личными идеалами достоинства и смысла (что в данном контексте означает чувство собственного достоинства) и с политическими свободами, выступающими в качестве универсального «права каждого». Франклин указывал, что хваленые либеральные представления англичан о свободе противоречат их же представлениям о роли Англии как имперской державы. Это заявление ясно показывает, что Франклин признавал проблемы, присущие национальным империям — их авторитарность в контексте глобальных войн неизбежно вступает в противоречие с древними представлениями о гражданских свободах, которые, в его идеалистическом понимании, присущи всем людям. Франклин беспокоился о том, что в Англии вызревал план консолидации финансового и военного политического курса, направленный на упрощение управления американскими колониями и приведение их в большее соответствие со структурой власти, формирующейся в Британской Индии. По мнению Франклина, несмотря на английское «хвастовство своей свободой», эти планы будут осуществляться за счет британцев, живущих по всему миру.

Для Франклина такие соображения были не в новинку. В начале 1750-х годов он утверждал, что формирование национальных государств не должно происходить за счет жителей колоний, как

в финансовом, так и в личном плане. Эту точку зрения он особенно подчеркивал в серии писем середины 1750-х годов. Франклин писал их губернатору Массачусетса Уильяму Ширли (1694–1771), адвокату и колониальному политику. В этих письмах Франклин раскрывал свою концепцию самоуправления и излагал четкий план контроля над колониями, не отказывая им в юридическом представительстве и праве на торговлю. Он предлагал создать межколониальную систему для расширения торговли и взаимопомощи, и все это под эгидой британского парламента и короля. Британцы в Северной Америке имели бы те же права, привилегии и представительство, что и в Англии.

Франклин считал, что англичане, живущие за пределами Британии, должны обладать таким же политическим весом, что и ее жители. Он часто говорил об этом, особенно начиная с 1750-х годов. К примеру, в 1754 году в письме к своему другу Питеру Коллинсону (1694–1768), ботанику и члену Лондонского королевского общества, Франклин писал: «Англия и ее колонии должны считаться единым целым, а не разными государствами с различными интересами». Также он утверждал, что «приказы колониям, отдаваемые британской короной, должны учитывать общее благо этого единого целого. По сравнению с ним частные интересы должны отойти на второй план». По мнению Франклина, стремясь к «общему благу», корона никогда не должна «идти к расширению своих исключительных прав за пределы установленных границ и ущемлять законные свободы человека». Вместо этого все приказы и законы «должны быть справедливыми и обоснованными»¹. По мысли Франклина, в справедливом и либеральном обществе интересы народа будут превыше всего, а правительство должно держаться в «установленных границах» и исходить при принятии решений из свобод человека. Политику должно определять «общее благо» единого целого.

Франклин выражал свое беспокойство по поводу правительств, «ущемляющих законные свободы человека», в то время, когда

¹ Письмо Франклина Питеру Коллинсону 28 мая 1754 года в [Franklin 1959–, 5: 332].

Франция, Испания, Нидерланды и Англия поигрывали своими военными мускулами в глобальной борьбе за контроль над морями и международной торговлей. Франклин высказывал свои идеи, когда Британия переходила к политике полной поддержки военно-фискального государства с целью достичь абсолютного контроля над землями в Индии. При этом страна стремилась сохранить существенное торговое и законодательное влияние на Северную Америку, что неизбежно привело бы к поражению в правах живущих там англичан, которые привыкли свободно высказываться и участвовать в гражданской жизни². Джон Брюэр отмечал, что в конце XVII и в XVIII веке произошли «глубокие изменения в британском правительстве». Эти изменения потребовали от Англии сложной работы по «принятию на себя все более тяжелого бремени военных задач». Налоговая нагрузка росла, образовался государственный дефицит (госдолг), создавалась «обширная государственная администрация, занимающаяся решением фискальных и военных вопросов»³. Замечания Франклина служат убедительным доказательством того, что Брюэр называл вечным конфликтом, развивающимся по мере того, как в процессе создания национального государства уничтожаются права его граждан. Рассуждения Франклина также служат прекрасным примером того, что историк Софус А. Рейнерт назвал националистическими наклонностями соперничающих европейских держав, которые подражали (и бросали вызов) агрессивной глобальной экспансии Англии⁴. Противоречие между правами человека и государствен-

² Хотя слово «гражданин» имеет особые коннотации для тех, кто изучает культуру XIX века, после Французской революции, эти коннотации неприменимы к веку XVIII. Хочется указать на то, что Франклин очень часто использовал слово «гражданин», когда говорил об избирателях и о свободных людях. Поиск в базе данных Franklin Papers по ссылке <http://franklinpapers.org> (дата обращения: 18.03.2025) дает почти 400 использований этого слова в бумагах Франклина.

³ См. [Brewer 1989: esp. 64–217], а также цитату на с. XVII.

⁴ Рейнерт утверждает, что XVIII век стал эпохой политического подражания. Имперская политика Великобритании с ее высокими тарифами, контролем над торговлей и мореплаванием, а также навязчивым вмешательством в рыночные отношения стала объектом подражания со стороны европейских держав, таких как Франция, Италия, Германия и Скандинавия [Reinert 2011].

ной властью указывает на наличие проблем, которые противоречили ряду важнейших идеалов, лежащих в основе либерализма раннего Нового времени.

Либерализм раннего Нового времени

Используя выражение «либерализм раннего Нового времени» для описания интеллектуальных, гражданских и политических ценностей окружения Франклина, я пытаюсь воссоздать целый ряд идеалов, сформулированных в трудах, популярных в Англии, Европе и Северной Америке. Историки мысли и политические историки используют для описания характера той эпохи множество терминов. В XVIII веке и среди историков конца XX века было чрезвычайно популярно слово «республиканизм», но во времена Франклина существовало множество разногласий по поводу его значения и того, насколько широко историки должны его определять⁵. Термин «виг», как и термин «республиканизм», несет на себе отпечаток архаичности. Путаница возникает из-за смены в XVIII веке политических ценностей и связанной с этим словом «партийной» идеологии, придающей данному термину политическую окраску. Из-за того что в XVIII веке оба этих термина использовались различными людьми по-разному, в наши дни сложно разобраться, что они означают. Вслед за интеллектуалом и историком литературы Аннабель Паттерсон я предпочитаю использовать для описания ценностей, которыми восхищался Франклин, понятие «либерализм раннего Нового времени» — именно потому, что во времена Франклина такого термина не существовало. Это словосочетание этимологически

⁵ См., например, серию эссе Блэра Вордена [Worden 1994a; Worden 1994b; Worden 1994c; Worden 1994d], где автор утверждает, что фигуры некоторых выдающихся деятелей способствуют пониманию республиканизма, несмотря на существенные различия между ними. Маркку Пелтонен, напротив, утверждает, что республиканизм характеризуется многолетней традицией гражданской гуманистической мысли с XVI века до эпохи Гражданской войны. См. [Peltonen 1995].

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru